

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-176-184

Об аутентичности мифа Протагора и его роли в диалоге Платона «Протагор»

Е. А. Баженова

*Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
Владимир, Россия*

Аннотация

Обсуждается тезис, согласно которому миф Протагора из одноименного диалога Платона в основе своей принадлежит историческому Протагору. Хотя автор соглашается с аргументами сторонников данного тезиса, анализ мифа в контексте диалога как целостного произведения, включая драматургические особенности последнего, позволяет ей предположить, что миф призван не просто передать взгляды знаменитого софиста, но, скорее, внести вклад в создание сатирического изображения Протагора, посредством которого Платон высмеивает его философские и педагогические амбиции.

Ключевые слова

миф Протагора, Великое Слово Протагора, софисты, εἰβολία, драматургия диалогов Платона

Для цитирования

Баженова Е. А. Об аутентичности мифа Протагора и его роли в диалоге Платона «Протагор» // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1. С. 176–184. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-176-184

On the Authenticity of Protagoras' Myth and its Role in Plato's *Protagoras*

E. A. Bazhenova

*Vladimir State University named after Alexander and Nikolai Stoletovs
Vladimir, Russian Federation*

Abstract

The article discusses the thesis according to which Protagoras' myth in the dialogue of the same name by Plato originates in its core from the historical Protagoras. Al-

© Е. А. Баженова, 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 1

though the author aligns with this thesis' supporters, the analysis of the myth in the context of the dialogue as a whole, including dramatic features of the latter, allows her to presume that the myth is intended not so much to convey the views of the famous sophist as to contribute to the creation of the satirical image of his through which Plato ridicules Protagoras' philosophical and pedagogical ambitions.

Keywords

Protagoras' myth, Protagoras' Great Speech, sophists, εὐβουλία, Plato's dramatic art

For citation

Bazhenova E. A. On the Authenticity of Protagoras' Myth and its Role in Plato's Protagoras. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 176–184. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-176-184

Вопрос о принадлежности самому Протагору мифа, вложенного в его уста в диалоге Платона «Протагор», является частью важной проблемы отношения Платона к его теоретическим предшественникам. В IV в. до н. э. не существовало представления об истории философии как строгой дисциплине, требующей точности при передаче идей более ранних мыслителей. Кроме того, сочинения Платона даже по форме не являются философскими трактатами, поэтому их герои зачастую выступают не просто как трансляторы идей своих исторических прототипов, но и как протагонисты драматических произведений – диалогов, – играющие определенную роль в реализации творческого замысла автора.

Литература об аутентичности Великого Слова (Great Speech) Протагора в целом и мифа о Прометее в частности достаточно обширна, и в ней можно выделить две крайние позиции¹. Ряд ученых, в числе которых Джордж Керферд [Kerferd, 1953], Кристофер Тейлор, Ми-Кьонг Ли², не ставят под сомнение подлинность мифа и следующего за ним логоса.

На противоположном полюсе – позиции Джозефа П. Макгвайра и Эрика А. Хейблока, которые считают Великое Слово (или, по меньшей мере, его первую часть – миф) целиком и полностью изобретением Платона [Havelock, 1957; Maguire, 1977]. В качестве главного

¹ Обзор более ранних мнений см. в: [Havelock, 1957. P. 407–408].

² См.: Taylor C. C. W., Lee Mi-Kyoung. The Sophists // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Winter 2016 Edition / Ed. by E. N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/sophists/>. (accessed 28.09.2018).

аргумента Хейвлок приводит различия в отношении к религии исторического Протагора³ и героя одноименного диалога, отводящего богам решающую роль в эволюции человечества [Havelock, 1957. P. 408–409]. Макгвайр признает правдоподобной принадлежность историческому Протагору лишь первоначального заявления персонажа диалога о том, что он учит юношей науке смекалки (*εὐβουλία*) в домашних делах, умению «наилучшим образом управлять своим домом, а также в делах общественных: благодаря ей можно стать всех сильнее и в поступках, и в речах, касающихся государства» [Платон, 1990. С. 428]. Макгвайр рассматривает *εὐβουλία* (смекалка, здравое суждение) как набор управленческих навыков, лишенных какого бы то ни было морального содержания и необходимых для того, чтобы стать успешным политиком или хозяином дома. Именно таким навыкам, способным обеспечить превосходство на политическом поприще и составляющим добродетель хорошего политика (или домохозяина), по мнению Макгвайра, скорее всего, обучал Протагор. На то, чтобы обучать моральным добродетелям, он, по всей видимости, не претендовал. Платона, как полагает Макгвайр, не интересует подобная менеджерская добродетель. Он хочет обсуждать именно моральную добродетель, связанную со знанием абсолютного стандарта, и для того, чтобы осуществить переход от «аморальной» добродетели Протагора к добродетели как знанию, Платон будто бы использует миф, в котором заставляет Протагора обсуждать «промежуточный» уровень добродетели, а именно, – конвенциональную мораль, обучением которой занимаются все и повсеместно: родители, школьные учителя, судьи и сам Протагор как наиболее искусный из учителей [Maguire, 1977. P. 122].

Следует согласиться с Берндом Манувальдом [Manuwald, 2013. P. 163–164] в том, что обе версии – и та, что принимает Великое Слово за высказывание исторического Протагора, и противоположная, согласно которой Слово – вымысел Платона, – одинаково неправдоподобны. Против первой свидетельствуют фактические противоречия: рассказывая миф, Протагор упоминает, что комедия Ферекрата «Дикари» была представлена на Ленеях «в прошлом году» (420 г. до н. э.), но в то же время сыновья Перикла, умершие в 429 г. до н. э., при-

---

³ Фрагмент Протагора В 4 DK (пер. А. О. Маковельского): «О богах я не могу знать ни того, что они существуют, ни того, что их нет, ни того, каковы они по виду. Ибо многое препятствует знать (это): и неясность (вопроса) и краткость человеческой жизни» [Маковельский, 1940. С. 16].

сутствуют при разговоре. Видно, что Платон не слишком заботился об абсолютной исторической точности, поэтому за ним следует признать значительную степень причастности к авторству. С другой стороны, если бы Платон заставил своего персонажа озвучивать мнения, принадлежность которых историческому Протагору неправдоподобна, современники, обладавшие доступом к сочинениям великого софиста, вряд ли отнеслись бы серьезно к Платону как автору. Манувальд считает наиболее правдоподобным прочтение, согласно которому миф в своей основе имеет источником скорее исторического Протагора, нежели Платона [Ibid. P. 176].

Однако такое прочтение порождает ряд вопросов. Во-первых, как примирить агностицизм исторического Протагора и центральную роль богов в мифе?

Во-вторых, поскольку речь в мифе идет лишь о конвенциональной морали, ученики Протагора, как замечает Натан [Nathan, 2017. P. 9], могут начать интересоваться, что общего у такой морали с εὐβουλίᾳ и как обучение основам социального общежития поможет им стать выдающимися политиками. Трудно представить, чтобы Протагор требовал, а ученики соглашались вносить немалую плату за обучение правилам цивилизованного сосуществования в обществе.

Наконец, в-третьих, зачем Платону понадобилось включать в диалог столь пространную речь Протагора, если ни миф, ни утверждение софиста о том, что добродетели можно научить, Сократом никак не опровергаются? Напротив, в конце диалога Сократ приходит к выводу (361a–b), что, поскольку добродетель есть знание, ей можно научиться. Неужели Платон соглашается с Протагором?

Попробуем ответить на эти вопросы.

При обсуждении роли религии в мифе надо обратить внимание на две особенности ее трактовки. Во-первых, религия, согласно мифу, возникает в результате дара Прометея, но не Зевса, т. е. оказывается связанной с техническими возможностями человека, полученными ранее, а не с его социальными навыками, приобретенными позднее. Некоторым исследователям это дало повод утверждать, что Платон считал религию более глубоко, нежели социальность, укорененной в природе человека [van Riel, 2012. P. 161–162]. Однако в мифе благочестие (τὸ ὅσιον εἶναι) не рассматривается как добродетель, аналогичная рассудительности / умеренности и справедливости (σωφροσύνη и δικαιοσύνη); она встает в один ряд с ними позже, при объяснении мифа (325a). Тогда, если религиозное поведение человека интер-

претируется в мифе по-другому, нежели в остальных частях диалога, причем интерпретация в мифе не противоречит агностицизму исторического Протагора, это можно рассматривать как аргумент в пользу принадлежности мифа самому Протагору [Manuwald, 2013. P. 169]. Во-вторых, хотя титан Прометей и верховный бог Зевс играют решающую роль в наделении людей *téchhē, aídōs* и *díkē*, все же, как замечает А. Феррарин, перспектива мифа в целом человеческая, а не геологическая. Противостояние Прометея и Зевса у Платона лишено того драматизма, которое присуще ему в изложении Гесиода или Эсхила. Обращение к богам инструментально: миф объясняет происхождение человеческого рода; жизнь богов не является его главным сюжетом (что неудивительно для Протагора, говорившего, вспомним, что он ничего не знает о богах). Боги в мифе Протагора вовсе не являются несправедливыми, мстительными, завистливыми либо коварными, их не отличает ни озорство, ни даже возвышенность в страданиях. Впечатление, скорее, такое, что им свойственны небрежность, рассеянность и склонность упускать дела из-под контроля. Они являются собой антропоморфную проекцию всех человеческих слабостей, но Протагор, видимо, не воспринимает их серьезно [Ferrarin, 2000. P. 300].

В отношении того, обучал ли Протагор политическому искусству или конвенциональной морали, думается, что он вряд ли проводил столь резкое различие между *eûbouliá* и требованиями морали, как это делают Макгвайр и Натан. Более обоснованной кажется позиция Моррисона [Morrison, 1941. P. 14], который, анализируя текст трагедии Софокла «Антигона», показывает, что *eûbouliá* как качество правителя включала в себя в первую очередь здравое суждение по вопросам морали, веления которой содержались в неписаных декретах Зевса и богини Дике. Действительно, как отмечает Адольфо Леви [Levi, 1940. P. 284], подготовка государственного деятеля в любом случае включала серьезную этическую и социальную составляющую, даже если последняя была всего лишь необходима эгоистичному политику, чтобы убедить сограждан в том, что он преследует не собственные интересы, но благо города в целом.

Что же касается границы между конвенциональной моралью и добродетелью как знанием, то и такая граница, по всей видимости, не представлялась Протагору четкой и непроницаемой. Во всяком случае, и диалог «Теэтет» (167b–c), и диалог «Протагор» (328b), да и сам род занятий софиста свидетельствуют о том, что Протагор

претендовал на статус эксперта в вопросах морали и общественного блага. Такой статус, в свою очередь, подразумевает, что его обладатель лучше разбирается в сфере, на которую распространяется его экспертиза, т. е. обладает более точным и полным, в сравнении с большинством людей, знанием. Равным образом, данное знание выступает в качестве критерия оценки тех или иных моральных суждений (мнений) как дурных или хороших и, следовательно, является знанием о некотором моральном стандарте.

Исходя из сказанного можно предположить, что именно притязание Протагора на столь широкую область экспертизы явилось тем раздражителем, который побудил Платона с ним полемизировать. Платон, как и оппонент Протагора в диалоге Сократ, спорит вовсе не с тем, что добродетели можно обучить; с этим он согласен. Однако он полагает, что Протагор – негодный учитель: он не учит своих слушателей размышлять, а лишь вкладывает в них готовую «мудрость», превращая в не критичных потребителей своих идей вместо того, чтобы научить их врачевать собственные души (313d–e) [Griswold, 1999. P. 296].

Миф и следующий за ним логос крайне противоречивы⁴. Например, хотя цель мифа – показать, что моральные добродетели – основа гражданского общежития и неотъемлемый элемент общественной природы человека, на поверку оказывается, что Протагор считает благоразумие более соответствующим человеческой природе, нежели справедливость и иные гражданские добродетели [McCoу, 1998]. Он недвусмысленно заявляет о важности для благоразумного человека «прикидываться справедливым», даже если на самом деле тот таковым не является (323a–c)⁵. Вероятнее всего, Платон в диалоге стремится показать эту противоречивость, присутствующую во взглядах Протагора, и тем самым вывести его как не последовательного мыслителя и педагога «на чистую воду».

Драматург Платон не случайно избирает местом действия для своего диалога дом Каллия, одного из самых знаменитых учеников и покровителей софистов. Каллий был известен в Афинах тем, что про-

⁴ Подробный анализ несоответствий в мифе представлен у Б. Манувальда [Manu-wald, 2013. P. 172–174].

⁵ Подобная двойная мораль характерна для софистов. Так, Антифон сходным образом говорит, что «человек будет извлекать для себя больше пользы из применения справедливости, если он в присутствии свидетелей станет соблюдать законы, высоко их чтя; оставаясь же наедине без свидетелей, (будет следовать) законам природы» [Маковельский, 1941. С. 43–44].

мотал состояние своего отца Гиппоника и проводил жизнь в пирах и любовных интригах. Толпа, собиравшаяся у Каллия, чтобы послушать софистов, включает лиц, пользующихся в городе дурной славой. Среди них Критий, будущий кровавый глава Тридцати тиранов, Алкивиад, предавший Афины спартанцам во время Пелопонесской войны, Андрон, заключенный в тюрьму за долги перед государством, Адимант, подкупивший спартанского военачальника Лисандра и дававший ему советы в битве против афинян, Федр, обвиненный в профанации Элевсинских мистерий ⁶, и Эриксимах, которому инкриминировали осквернение герм. По мнению Дэвида Вольфсдорфа, если диалог и не выставляет Протагора непосредственным наставником всех этих людей в совершенных ими преступлениях, то даже само их присутствие в доме Каллия в качестве слушателей подрывает претензии Протагора на то, что он в состоянии научить кого-либо управлять своим домом и тем более полисом [Wolfsdorf, 1998].

В качестве итога отметим, что хотя, по всей видимости, миф в основных своих чертах действительно принадлежит историческому Протагору, однако как часть Великого Слова и в контексте диалога в целом он призван внести вклад в создание скорее сатирического изображения знаменитого софиста и высмеять его философские и педагогические амбиции.

Список литературы / References

- Маковельский А. О.** Софисты. Баку: Азербайджанский гос. ун-т им. С. М. Кирова, 1940. Вып. 1. 48 с.
Makovelskii A. O. Sofisty [The Sophists]. Baku, 1940, Issue 1. (In Russ.)
- Маковельский А. О.** Софисты. Баку, 1941. Вып. 2. 100 с.
Makovelskii A. O. Sofisty [The Sophists]. Baku, 1941, Issue 2. (In Russ.)

⁶ О крупных религиозных процессах V в. до н. э. подробнее см.: *Draganić I.* Religious Scandals as Part of Political Struggles of Late 5th Century Athens: The Case of Hermokopidai and Profanation of the Eleusinian Mysteries / The paper announced at the Thirteenth International Conference of FIEC (International Federation of the Sciences of Classical Studies), held in Berlin, Germany 24–29th August 2009, at the 16th panel “Religion in Society” // Academia.edu. URL: <https://independent.academia.edu/IfigenijaRadulović>. (accessed 07.10.2018).

- Платон.** Протагор // Собр. соч.: В 4 т. / Пер. с древнегреч. Вл. С. Соловьева; общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 418–476.
- Plato.** Protagor [Protagoras]. Trans. from Ancient Greek by Vl. S. Solov'ev. *Sobranie sochinenii: V 4 t. [Collected works: In 4 vols]*. A. F. Losev, V. F. Asmus, A. A. Taho-Godi (eds.). Moscow, Mysl' Publ., 1990, vol. 1, p. 418–476. (In Russ.)
- Ferrarin A.** Homo Faber, Homo Sapiens, or Homo Politicus? Protagoras and the Myth of Prometheus. *The Review of Metaphysics*, 2000, vol. 54, no. 2, p. 289–319.
- Griswold C. L.** Relying on Your Own Voice: An Unsettled Rivalry of Moral Ideals in Plato's "Protagoras". *The Review of Metaphysics*, 1999, vol. 53, no. 4, p. 283–307.
- Havelock E. A.** The Liberal Temper in Greek Politics. New Haven, Yale Uni. Press, 1957. 444 p.
- Kerferd G. B.** Protagoras' Doctrine of Justice and Virtue in the "Protagoras" of Plato. *The Journal of Hellenic Studies*, 1953, vol. 73, p. 42–45.
- Levi A.** The Ethical and Social Thought of Protagoras. *Mind*, 1940, vol. 49, no. 195, p. 284–302.
- Maguire J. p.** Protagoras... or Plato? II. The "Protagoras". *Phronesis*, 1977, vol. 22, no. 2, p. 103–122.
- Manuwald B.** Protagoras' Myth in Plato's "Protagoras": Fiction or Testimony? In: Protagoras of Abdera: The Man, His Measure. J. M. van Ophuijsen, M. van Raalte, P. Stork (eds.). Ch. 8. Leiden, 2013, p. 163–177.
- McCoy M.** Protagoras on Human Nature, Wisdom, and the Good: The Great Speech and the Hedonism of Plato's "Protagoras". *Ancient Philosophy*, 1998, vol. 18, no. 1, p. 21–39.
- Morrison J. S.** The Place of Protagoras in Athenian Public Life (460–415 B. C.). *The Classical Quarterly*, 1941, vol. 35, no. 1–2, p. 1–16.
- Nathan A. R.** Protagoras' Great Speech. *The Classical Quarterly*, 2017, vol. 67, Issue 2, p. 380–399.
- Riel G. van.** Religion and Morality. Elements of Plato's Anthropology in the Myth of Prometheus ("Protagoras", 320D–322D). In: Plato and Myth. Studies on the Use and Status of Platonic Myths. C. Collobert, P. Destrée, F. J. Gonzalez (eds.). Ch. 8. Leiden, 2012, p. 145–164.
- Wolfsdorf D.** The Historical Reader of Plato's "Protagoras". *The Classical Quarterly, New Series*, 1998, vol. 48, no. 1, p. 126–133.

Материал поступил в редколлегию

Received

12.11.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Баженова Елена Альбертовна, кандидат юридических наук, доцент
Владимирского государственного университета им. Александра
Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (ул. Студенче-
ская, 8, Владимир, 600005, Россия)

Elena A. Bazhenova, Candidate of Law Science, docent of the Vladi-
mir State University named after Alexander and Nikolai Stoletovs
(8 Studencheskaya Str., Vladimir, 600005, Russian Federation)

yelenabazhenova0304@gmail.com